

11.46.19.05
(ген.)
Пьеха Эдита

Просто стоять у рояля ей было неуютно. Она сняла микрофон со стойки — первая на нашей эстраде. И во многом потом была первой. Эдита Пьеха последние 10 лет живет в деревне Северная Самарка под Питером. Среди сосен, собак и тишины. В доме с зеленой крышей и башенкой. Он почти как в ее французском детстве...

— Быть первой приятно?

— Когда я начинала, меня считали инородным телом на эстраде, которое не поет, а «гудит». Назвали «кабацкой певицей». А я была просто девчонка из шахтерской глубинки Франции, ребенком попавшая в Польшу. Оттуда уехала учиться в СССР. И широко раскрыла глаза — Ленинград стал первым большим городом, который я увидела в жизни. И при этом один музыковед писал, что «эту кабацкую певицу» надо «выстирать по самое декольте».

— Не пожалел?

— Через 10 лет пришел за кулисы. Встал на колени: «Я был глубоко не прав, я невежда». Мне никакая звездочка не падала в ладони. Я по гороскопу Вол, и моя дочь Илона тоже. А Волы — трудолюбивы. И еще мне посчастливилось пройти по жизни 20 лет с Александром Броневицким, музыкантом-авангардистом. Илона на 70 процентов унаследовала его темперамент. Она рискованный человек, как и отец. Он смелый был. Я же более рассудительная, оттого что битая, неприлаканная. Не ласкала меня жизнь. Я более рациональная. Прежде чем что-то сделаю, это должно созреть во мне.

— А в деревню почему уехали?

— В городе столько звуков! А у меня повышенный порог восприимчивости. И со мной может быть истерика, если где-то что-то скрипит. Лучшая музыка для меня, самая нежная — тишина. Здесь она меня ласкает. И продлевает жизнь.

— Благодаря ей так хорошо выглядите?

— Генетика хорошая. Дедушка был красавец, бабушка красивая, папа. Мама выглядела молодо. Обручальное кольцо, которое папа подарил маме, когда они венчались, я надеваю на сцену — это талисман. Родители были закалены жизнью. А жизнь вырабатывает определенные генетические коды, которые дают выносливость.

Кроме того, я не разрешаю себе распускаться. Мне было 20 с небольшим, когда у одной актрисы — она была вся такая подтянутая — я спросила: «Почему вы так хорошо выглядите?» «Деточка, — отвечала она, — труд, труд и еще раз труд». И я всегда уделяла себе внимание.

— Как относитесь к косметическим операциям?

— Отношусь правильно. Но это надо делать вовремя и у нормальных людей.

— Когда начинать?

— Это совершенно субъективно. Я ограничилась ожогом лица — это великолепная процедура, бескровная. Ее хватило мне на 10 лет. И еще я очень верю в гимнастику лица. Илонка не верит мне: «Мама, ты неправду говоришь. Это у тебя от бабушки». А я повторяю: «Нет, Илона, это труд, труд, труд». Операции же

— как в случае с Жорж Санд. Она говорила, мол, люблю Шопена... А у самой щеки, как у собачки, повисли. Она переживала страшно. И я все вре-

На улице видели рыжего пса? Он ничейный был. Два дня по снегу ходил и истекал кровью. Ни к кому не шел, ничего не соображал. Я открыла внизу дверь, калитку, и он вдруг раз — и нырнул к нам. И упал. Я вызвала ветеринарную «скорую». Молила срочно приехать. Когда после укола он уснул, посмотрели — а у него и крови уже нет! Сделали срочно переливание. И сейчас, когда вижу

Я ограничилась ожогом лица — это великолепная процедура, бескровная. Ее хватило мне на 10 лет.

мя у зеркала — смотрю, есть они или еще нет. Нет! И конечно, осанка! Вы заметили, у меня нет стульев? Я приучила себя сидеть прямо, без спинки.

бездомную собаку, хочется взять. Но другие могут ее не принять. У них же своя семья, клан.

— Справляетесь с такой оравой?

Эдита Пьеха:

Прабабку монгол догнал в лесу

Дочери Илоне: «Внешность — это труд!»

— В последнее время вы словно пропали...

— Я сама себя арестовывала. На два с лишним года. Вот девушка (под столом сидит Джулия, среднеазиатская овчарка. — И.З.) играючи головой махнула и фьють — мне по коленке. Лежала она на травке, набегавшись, дышала воздухом, другая собака стала ее тереть за хвост. Джулия хотела ее отогнать. И надо было мне появиться в поле движения ее головы! Она раздробила мне коленный сустав, остались одни осколки. И нога еще, не хочу сказать, как протез, но чужая. Я ей говорю: «Давай, начинай жить». Но на сцене уже работает со мной всюю. Правда, каблук отвергла. Вот возобновлю прогулки по лесу, хотя бы по 2—3 км.

— Откуда у вас так много собак?

— Четыре — это много? Было пять, одна умерла. Все дареные. В городе не хотела заводить — жалела там животным тюрьмы устраивать. А тут прижились все.

— Они не дрессированные, но слова «Домой! Гулять! Фу! Косточка!» знают. Когда я ходячая была, посвисту: «Фью-фью!» — и все сбегается. Хорошее семейство, доставляющее положительную энергетику.

— А в обществе заряжаться?

— Не люблю тусовки. Это понятие узнала давно, в Штатах. Наших тогда там было меньше, чем сейчас. И однажды на концерт не привезли диоаппаратуру. Я говорю с публикой, петь а капелла. Но микрофонов нет, я и говорю: мол, извините, пожалуйста. И одна женщина сказала: «Мы же вас знаем, песни ваши слышали. Мы пришли себя показать, у кого бриллианты лучше». И я эти тусовки так и расцениваю. Артисты встречаются не как прежде, в классическое русское время — духовности набираться, а чтобы себя показать. И увидеть свое фото в журнале.

— Потому вы заняты собой?

— Я считаю, что это лучше.

— Внук навещает?

— Редко. Стас слишком занят. Летом был на моем дне рождения, выступал со мной. Директор БКЗ «Октябрьский» сказала: «Дита, боюсь, не выдержишь два отделения с этой ногой. Давай всей семьей!» И получился парад поколений. На сцене три поколения и в зале три. Места не было даже на ступеньках! Потом отмечали в семейном кругу. Стас приехал с девушкой Викой, Илона с мужем, соседи Илоны из Москвы. Это был красивый прием на воздухе. И вот тогда Стаса я пощупала, расцеловала его. И он улетел.

А в детстве со мной на гастроли ездил. Я придумала песню «Мужчина, которого я люблю». Я пою будто бы о любимом, а в конце «Но, что бы ни случилось, я все стерплю — и на кухне гром и гам, и в прихожей тарарам,

но что бы ни случилось, я все стерплю от этого мужчины, которого люблю». И он выбегал на сцену вот такушенный, в костюмчике, как у ансамблистов, с букетом цветов и давал интервью публике. «Кого ты любишь?» — «Стиви Уандера». И пел: «Ай джас ко-о ту сей ай ла-авью». Шустрый был.

— Он как-то сказал, что у него в роду были африканцы...

— Откуда?!

— Ну-у... Губы пухлые.

— У него — да. Откуда

— непонятно. У меня тоже лицо не совсем славянское. Я у мамы спрашивала, почему у меня такие скулы. Она говорит: «Твою прапрабабушку монгол догнал в лесу». И может, Стас к монголам решил еще кого-нибудь присоединить? У него хорошая фантазия.

— Как складывается ваша семейная жизнь?

— Я свободная.

— То есть?

— Развод еще не оформили. Можно так ответить про мою семейную жизнь: пока не придумала. Песня у меня есть «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу». Так вот, я все придумывала, придумывала, и, кроме Броневицкого, никто не стал таким, как я хотела. А тут... Был большой фантазер. Я придумала себе, что он меня любит и мне нравится, и все как-то тянулось... Редко виделись, он москвич, я здесь. Иногда нагрянет. Вот пошел с Джулией гулять, на коротком поводке. Она увидела кошку и как рванет — а это же 85 кило. Он упал, ключицу сломал.

— С тех пор виделись?

— Виделись, созвани-

вались. Но не хочу на эту тему распространяться. Он много про себя мне напридумывал. Потом я призадумалась. Наверное, у дяди работает фантазия как-то слишком... И я постепенно стала остывать ко всему, что себе про него напридумывала.

— Что для вас любовь?

— Любовь — когда второй человек для тебя — это ты. А ты для него — это он сам. В моей жизни получалось так, что я становилась кем-то. Но мной никто не становился. Я отвечала себе просто: «Мужчины — эгоисты, потому не могут вникнуть в мои дебри». Наверное, что-то предусмотрено свыше. И я не отчаиваюсь.

■ Инга Земзаре. Санкт-Петербург.